

Ксения Баштовая, Надежда Федотова

КАРТЫ, ДЕНЬГИ, ДВЕ СТРЕЛЫ

Ксения Баштовая

**РЕАЛИТИ-ШОУ «ЗАМОК»
ВАМПИР ПОНЕВОЛЕ
И ДОРОГА К СЕБЕ ТАК ДЛИННА...**

Цикл «Хроники Гьертской империи»

**БУБНОВАЯ ГИЛЬДИЯ
ПЫЛЬ ДОРОГ
ПОВЕСТЬ ЭЛЬФИЙСКИХ ЛЕТ**

В соавторстве с Викторией Ивановой
Трилогия «Темный принц»

**ТЯЖЕЛО БЫТЬ МЛАДШИМ...
МАЛЕНЬКИХ ВСЕ ОБИДЕТЬ НОРОВЯТ!
ЧТО ВЫРОСЛО, ТО ВЫРОСЛО**

Надежда Федотова

**ВОЖДЕЙ НЕ ВЫБИРАЮТ
МОЙ СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ВРАГ**

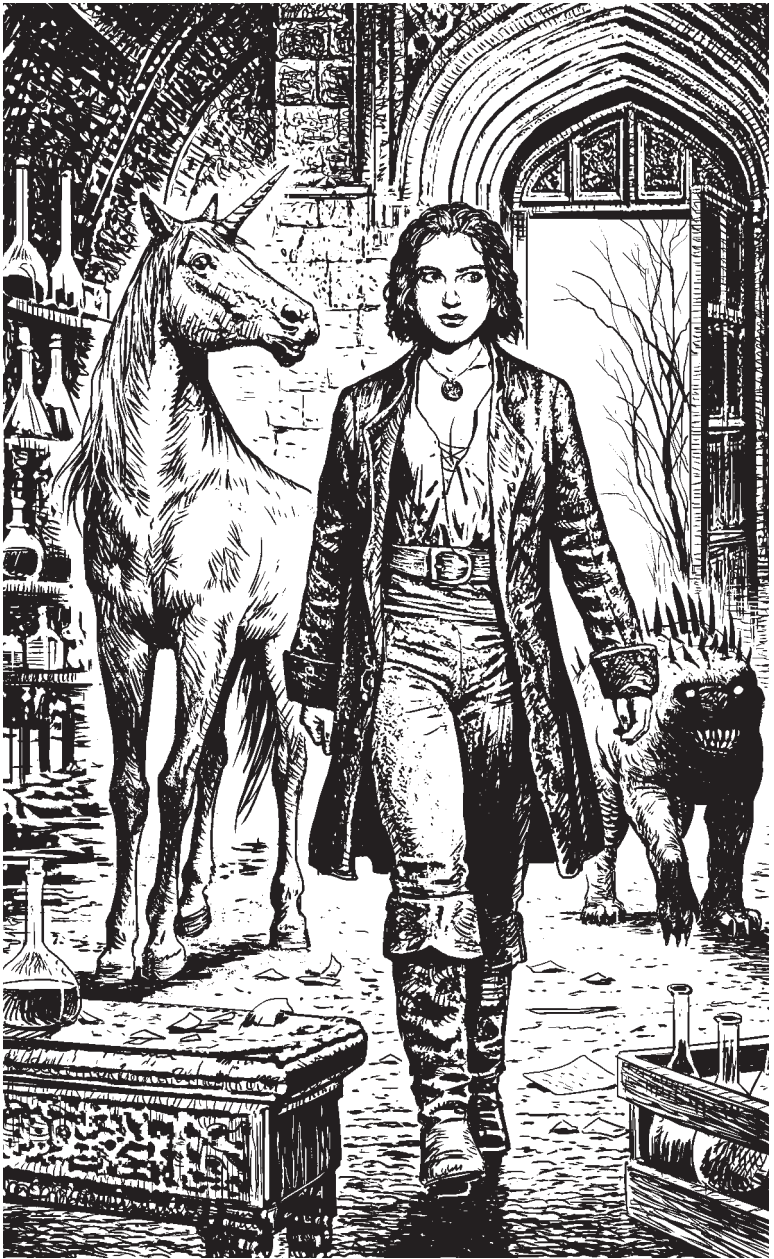
**КУДА ОНИ УХОДЯТ
РЫЦАРЬ ЧАШИ И ЗМЕИ**

**КАПКАН ДЛЯ ГОНЧЕЙ
ГОНЧАЯ. ТЕНЬ КОРОЛЯ**

МИССИЯ: БЕЗ ВАРИАНТОВ

Ксения Баштовая, Надежда Федотова

Карты, деньги, две стрелы

Роман

Москва, 2014
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б33

Художник
И. Воронин

Баштовая К. Н., Федотова Н. Г.
Б33 Карты, деньги, две стрелы: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 408 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1717-9

Что делать, если тебя проиграли в карты? И не кто-нибудь, а любимый супруг! Очень интересный вопрос. А вот другой: что делать, если вас обвиняют во всех смертных грехах? Причем совсем не в тех, в которых вы действительно виноваты. Тоже очень интересно? Тогда поставим третий: а что будет, если две эти беды встретятся?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1717-9

© Баштовая К. Н., Федотова Н. Г., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Матильда

«Хочешь умереть — затей спор с полукровкой». Народная мудрость, однако. А народ, что ни говори, ошибается редко... И вот теперь придется, похоже, проверить эту мудрость на себе...

Я бы никогда не решилась на такое, но порой бывает, что обстоятельства оказываются сильнее тебя. Настолько сильнее, что горло перехватывает от слез, но при этом надо держать себя в руках и хранить на лице улыбку. Уж чему-чему, а этому за двадцать лет жизни, дарованной каждому из смертных Матерью Рассвета, да пребудет она с нами, я научилась в совершенстве.

— Матильда, ты меня слушаешь?

Бархатный голос Шемьена задел какие-то струнки в моей душе, в горле встал ком, но уже через мгновение я вернула на лицо маску спокойствия. Подняла на некогда любимого супруга взгляд:

— Разумеется, милый. Я вас прекрасно слышу.

Он вздрогнул, как от пощечины:

— Я... Я не понимаю! Матильда, я... я просто поступаю как честный человек! Я дал тебе... тебе, не вам, я не хочу переходить на такое обращение!.. Дал тебе свое имя, но последние события просто вынудили меня... Это мой долг! Я не могу позволить, чтобы какой-то милез подумал, будто слово дворянина ничего не стоит! Я...

— Я все понимаю, — перебила я Шемьена, но если бы кто знал, каких усилий мне стоило сказать эту короткую фразу. — Я прекрасно вас понимаю. Я понимаю, что только злое колдовство заставило вас сесть за ломберный стол...

— Я этого не говорил! — вспыхнул супруг.

— За ломберный стол, — повторила я, позволив себе слабую улыбку. — Не менее злое колдовство послало вам не те карты. — В глазах закипали слезы, но я нашла в себе силы говорить спокойно. — И уж конечно же не менее злое чародейство заставило вас после очередного проигрыша поставить на кон меня.

— Я не говорил, что это колдовство! — Голос сорвался на визг.

Он опять обтрепал все манжеты. Надо будет сказать Элуш. Пусть проследит, чтобы починили.

— А что же это может быть? — Я автоматически крутила в руках какой-то предмет. — Конечно, колдовство. Разве вы, Магьяр Шемьен, гвардеец Тарского полка, могли проиграть в карты свою супругу иначе, как под действием злых чар?

Ты не имеешь права плакать, Магьярне Калнас Матильда. Слышишь? Ты не имеешь права плакать.

Раздался сухой треск. Я сломала свой веер...

Муж замер, хватая ртом воздух и не зная, что сказать. Возможно, он ожидал моих слез. Возможно, надеялся, что я начну кричать. Мне это неизвестно.

Обломки веера полетели в угол — слуги потом уберут. А мой короткий жест, похоже, и стал решающим.

— Ваш будущий супруг придет через три дня. — Надо же, Шемьен тоже перешел на «вы».

Он отвесил короткий поклон и выскочил из комнаты, хлопнув дверью.

Все, что мне оставалось после этого, — разреветься, спрятав лицо в ладонях.

Следует быть честной хотя бы с собой. Мои проблемы начались не сегодня, когда супруг проигрался в пух и прах, и даже не вчера, когда он сел за ломберный стол.

Все началось гораздо раньше. Три года назад.

Мне тогда едва-едва исполнилось семнадцать лет. Тарский лейб-гвардии полк прибыл на постой в славный город Арпад... И вечером на балу я увидела его... Магьера Шемьена... Ему было уже двадцать три. Он прекрасно танцевал, непринужденно кланялся, держал себя как настоящий дворянин... Я не устояла перед его чарами.

Мой отец с самого начала выступил против нашего брака — хорошо хоть перед алтарем Матери Рассвета не проклял — и сразу сказал, что Шемьен, будучи младшим сыном в

семье, не имеет никакого права на получение наследства, а значит, просто гонится за моим приданым. Я не поверила.

И теперь расплачиваюсь за свою глупость.

Шемьен только в течение первых шести месяцев притворялся, что любит меня. Цветы, серенады, страстные поцелуи... Все это закончилось, едва зарядили первые осенние дожди. Нежно любимый супруг, уволившийся из полка сразу после свадьбы, начал пропадать на охоте, спускать деньги за карточным столом, рассказывать, будто чем-то занят. Служанки шушукались о его неверности...

Я закрывала на это глаза. Надеялась, что он образумится. Оплачивала его долги и лечила его раны после дуэлей. А сегодня утром, в светлый праздник Зеленого Отца, Шемьен сообщил, что этой ночью он проиграл меня в карты.

Меня! Урожденную кнесну де Шасвар! В карты! Как простую крестьянку!

Получается, через три дня меня разведут с Шемьеном и обвенчают... С кем? Я ведь даже не знаю, кому он меня проиграл. Обронил в разговоре, что выиграл какой-то милез, но это необязательно значит, что победитель родом из Фирбоуэна.

Великая Мать, какой ужас...

Истерика длилась долго. Пару раз в комнату заглядывала Элуш, явно хотела что-то сказать, но, увидев меня в слезах, вновь куда-то убегала.

В итоге я поняла, что не смогу. Не смогу прийти под своды храма, не смогу согласиться на развод, не смогу, в конце концов, обвенчаться неизвестно с кем! Я кнесна, а не крестьянка! Я вольна сама выбирать, с кем мне связать судьбу!

Пальцы медленно коснулись висевшего на шее золотого образка. На одной стороне изображение той, что дает начало всему, — Матери Рассвета, а на другой — все три бога: Мать Рассвета, Зеленый Отец и Вечный Змей у их ног. Вечный Змей, принимающий всех умерших... Что ж. Я вольна сама выбирать. И я выбираю. Лучше умереть... лучше умереть... лучше...

Яды я отсеяла сразу. Это слишком ужасно. Кинжал? Ни за что! Нет, конечно, у меня есть при себе небольшой клинок, благо современная мода позволяет носить его на поясе и дамам, но одно дело — читать о том, как какая-нибудь Ильдик

не выдержала мук любви и вонзила клинок в сердце, и совсем другое — испробовать на себе.

И тут мне на ум пришла старая поговорка: «Хочешь умереть — затей спор с полукровкой».

Кнесат Шасвар находится на самой границе с Фирбоуэном. Еще лет двадцать назад здесь шли ожесточенные бои, но, хвала Матери Рассвета, наш император Лёринц Третий смог заключить хрупкий мир. Сами по себе отношения между Унгарией и Фирбоуэном добрососедскими назвать сложно, скорее это вооруженное перемирие. Люди не особо привечают нелюдей, а те в свою очередь отвечают горячей неприязнью ко всем представителям нашего рода. А вот полукровок не любят по обе стороны границы.

Неудивительно, что полукровки, живущие близ границ государств, крайне щепетильно относятся к своей чести и готовы за малейшее оскорбление вступить в бой.

Получить по голове дубинкой в мои планы не входило. Слишком уж это неприлично. Но зато что может мне помешать заявиться в мужской одежде в какое-нибудь более-менее пристойное заведение и, обронив пару слов, устроить дуэль? Фехтовать я не умею, так что всего несколько минут — и я уже буду на дороге в обитель Вечного Змея.

Решиться, безусловно, было очень тяжело. Но стоило лишь на миг представить, что через три дня я стану супругой неизвестно кого... Лучше уж смерть!

Подобрать подходящее мужское платье оказалось посложнее. У меня его отродясь не водилось, пришлось рыться в гардеробе супруга — благо тот, оклемавшись от спора со мной, если это можно назвать спором, уже куда-то отправился. Небось, как шепчутся служанки, на улицу Красных фонарей завернул, мерзавец.

Еще труднее было разобраться со шнуровкой на собственном платье. Элуш я звать не стала, разболтает ведь всему дому, что я рядилась в костюмы супруга, объясняй потом, что да как, — пришлось самой разбираться с проклятыми завязками. Провозившись некоторое время, но так и не дотянувшись до шнуровки на спине, я не придумала ничего лучше, кроме как вспороть одежду кинжалом. После этого дело пошло веселее.

Но увы, после нескольких примерок я окончательно поня-

ла, что моему плану сбыться не суждено: рубашки Шемьена были мне велики, рукава камзолов приходилось подворачивать, а брюки... На поясе отсутствовало такое количество дырочек, чтобы как следует затянуть его.

Внезапно в глубине шкафа я разглядела черный, шитый золотом камзол. Ох, точно: его сшили месяца четыре назад, но портной неправильно снял мерки и Шемьену он почему-то не подошел. Уже не помню почему. Может, слишком маленький?

Ага, как же... Скорее наоборот.

Да, припоминаю, камзол даже Шемьену был великоват — и по росту, и по размаху плеч, и по ширине ворота.

Но не идти же в самом деле в женском платье! Мне нужно, чтобы меня убили, а не ограбили! Причем убили сразу и бесповоротно, мучиться я совершенно не хочу. Нужно срочно решить, что делать.

Чуть слышно скрипнула дверь... Великая Мать, неужели муж вернулся?! Не приведи боги он застанет меня здесь!

На пороге комнаты стоял мальчишка-слуга. Худощавый, невысокий и чуть лопухий. «Тадди», — вспомнилось его имя.

Мальчишка огляделся по сторонам, увидел через открытую дверь гардеробной меня в несоразмерно большом костюме супруга и пораженно выдохнул:

— Госпожа?..

Великая Мать, за что мне это? Какие грехи я совершила?!

— Что ты здесь делаешь?

— Я... — Тадди потупил взгляд. — Господин послал меня... — Слуга запнулся, не зная, как сказать.

— Послал за чем?

— Разрешите? — Он робко шагнул в комнату.

Получив благосклонный кивок, Тадди приблизился к письменному столу, подхватил перо с чернильницей, тяжелой, малахитовой.

— Он собирается что-то писать?

Мальчишка замер, а потом, крепко зажмурившись, замотал головой.

— Тогда что?

— На кон...

У меня сердце упало. Я... Честно, я даже не знаю, что хуже. То, что Шемьен, только вчера проиграв меня, свою супругу,

данную ему перед ликом Матери Рассвета, сегодня опять садится за карточный стол, или то, что вчера он поставил на кон меня, хотя мог обойтись чернильницей.

Тадди осторожно отступил на шаг, другой.

— Стой.

А он ведь с меня ростом. И телосложение примерно такое же.

— Раздевайся.

На лице слуги расплылась блаженная улыбка. Он выпустил чернильницу, потянулся к вороту рубахи...

— Стой! — взвизгнула я, сообразив, что сказала совсем не то, что собиралась.

Я помотала головой, приводя мысли в порядок, а потом, путаясь в чересчур длинных рукавах рубахи супруга, подхватив с пола остатки своего платья и поддерживая сползающие брюки, направилась к двери, соединяющей мои комнаты и комнаты Шемяна.

— Пошли, — обронила я через плечо.

Элуш чинно сидела на пуфике возле кровати, что-то зашивая. Иголка так и мелькала в ее руках.

Услышав шаги, камеристка подняла голову:

— Госпожа? У вас все в порядке?

Боги, чувствую, сбежать из дома так просто не удастся.

Выгнав мальчишку в коридор и строго-настрого наказав никуда не уходить, я с помощью Элуш переоделась в платье, более приличествующее моему положению, и вновь позвала Тадди. Тот терпеливо дождался указаний за дверь.

В комнату мальчишка так и не вошел. Остановился на пороге, смущенно переминаясь с ноги на ногу, сверля взглядом пол и не отваживаясь поднять глаза на меня. Впрочем, я сама сейчас чувствовала себя не лучше. Что ему сказать? «Мне нужны твои одежда и обувь»? И как это будет выглядеть? Кнесна де Шасвар требует у слуги отдать вещи?! Да он же расстреплет на каждом углу! Я потом даже в обители Вечного Змея позора не оберусь!

Положение спасла Элуш. Всплеснув руками, она подбежала к двери и вцепилась в рукав молоденькому слуге:

— Да что же это такое делается?! Ты что себе позволяешь?! Нет, вы только посмотрите на него! Пришел к госпоже, а у самого все ботинки в навозе!

— Я... Это самое... — неуверенно начал Тадди. — Не виноватый я. Я просто за чернильницей...

— За какой чернильницей?! — не успокаивалась камеристка. — К хозяйке зашел, а сам обтрепанный, как последний оборванец. Не позволю я, чтобы глаза госпоже мозолил своим видом непотребным! А ну пошли! Где твоя комната?! Пока не переоденешься, я тебя в покои не пушу! — И прежде чем я успела вымолвить хоть слово, Элуш потащила его куда-то в коридор, оставив меня потрясенно размышлять о том, с каких это пор слуги командуют в доме. Я явно что-то упустила.

Минут через пятнадцать из-за двери послышалось деликатное поскребывание. Элуш воровато заглянула в комнату, осмотрелась и радостно заявила:

— Прогнала я его, госпожа. Вы уж простите меня, да только сердце кровью облилось, как я увидела, что он грязными чеботами да по резному паркету. Еще батюшка ваш говорил, что нельзя так. А он ходит! И ни сраму-то, ни совести!

Я остолбенела. Моя последняя надежда найти мужское платье только что благополучно скончалась. И из-за кого?! Из-за моей же камеристки! Да, она буквально вырастила меня с пеленок, она находилась рядом сколько себя помню, но... Но как теперь быть?!

Я медленно опустилась в кресло, обхватив себя руками за плечи... И вздрогнула, когда проскользнувшая в комнату Элуш, зажав под мышкой какие-то вещи, встряхнула, словно выколачивая пыль, неприметный серый камзол:

— Нашла я у него, госпожа, что попроще. Вам же именно такое и нужно было?

Пока я изумленно молчала, пытаюсь подобрать правильные слова (неужели все уже поняли, что я хочу сделать?!), женщина продолжила как ни в чем не бывало:

— Я ведь сразу поняла, едва вас с ним увидела, что вы прогуляться решили. Ваша матушка, пусть Вечный Змей будет к ней благосклонен, точно такая же была. Сколько ее помню, чуть луна полная, так она из дому прочь. Даже когда уже перестала в лебедушку перекидываться.

Служанка, похоже, начала заговариваться. Мама — и перекидывалась? Да к оборотничеству только фенин способность имеют!

Тем более что отец терпеть не мог нелюдей.

Можно, конечно, предположить, что речь идет о каком-то проклятии, но мне бы наверняка рассказали! Нет, определенно заговаривается. Возраст дает о себе знать.

Элуш меж тем сама поняла, что ляпнула что-то не то, и поспешно поменяла тему разговора:

— Вы сейчас переодеваться будете, госпожа? Или ближе к вечеру, как стемнеет, в город отправитесь?

Честно говоря, я просто не знала, что и сказать. Мысли прыгали, как лисы в игре в подбрасывание. Голова кружилась, а во рту стоял противный металлический привкус.

Элуш истолковала мое молчание по-своему:

— Да вы не бойтесь, госпожа, я вас к черному ходу проведу. Матушку ведь вашу выводила из дома, так никто, кроме хозяина, и не знал ничего. Ни одна живая душа!

Нет, она явно с ума сошла! Чтобы мама — и тайком выбиралась из дома?! Плетет невесть что, фантазирует... Ладно, главное не это, а чтобы она меня вывела потихоньку.

Но прежде нужно решить еще один вопрос. Точнее, два. А если совсем уже точно — три.

Переодевшись с помощью все той же Элуш в мужское платье, я остановилась перед зеркалом. Так, тонкое обручальное кольцо с гравировкой оставим в шкатулке на столе, незачем моим убийцам еще и его забирать. Кулон я все равно снять не смогу, спрячем его под рубашкой. А вот с волосами пришлось повозиться.

Я и так и эдак крутилась перед зеркалом, под шляпу их прятала... Но все равно на мужчину не похожа! Да даже если я волосы заплету, это ничем не поможет! Да, в последнее время появилась мода на мужские косы, Шемьен, например, такие носит, но не могут быть у мужчины кудри до пояса! Не могут!

Я оглянулась на камеристку, молчаливо наблюдающую за мной, и вытащила из шкатулки для рукоделия ножницы. Что я в конце концов теряю? Все равно умру через несколько часов.

Особо мучиться с прической не стала. Сухое клецанье — и кое-как обрезанные волосы осыпались на пол. Получилось криво и косо, но мне сейчас не до красоты. Элуш испуганно охнула, зажав рукой рот:

— Да что ж вы делаете-то, госпожа!
Вот теперь я действительно готова.
Помоги мне, Вечный Змей! Взываю к воле и силе твоей...

Примерно через час в мужском костюме и в гордом одиночестве я переминалась с ноги на ногу перед дверью заведения «Зеленая ундина». Криво намалеванная вывеска не могла вызвать ничего, кроме приступа страха: то ли художник никогда не видел ундин, то ли, наоборот, видел, но решил не делиться своими впечатлениями. Как бы то ни было, но посетителей жуткое, нарисованное над входом в таверну существо с бирюзовыми патлами, торчащими в разные стороны, не отпугивало — народ просто толпами валил внутрь. А за то время, пока я топталась в нерешительности, вышибалы вынесли на улицу несколько подвыпивших гуляк. Один из выпивох, кстати, даже оказался полукровкой... Значит, мне непременно надо туда попасть! Оставалось только решиться войти.

Из трактира слышались взрывы смеха, звучала музыка... А я все никак не могла собраться с силами. И лишь когда на улицу выкинули то ли пятого, то ли шестого посетителя, шепнула короткую молитву Матери Рассвета и толкнула дверь.

В первый миг я буквально оглохла от того шума, что стоял в помещении. Кого здесь только не было! Беловолосые фении соседствовали с мисами, закутанными в ниспадающие одеяния. Лаумы со стрекозиными крыльями неспешно беседовали с людьми. Метисы разговаривали с чистокровными...

Пробежала, балансируя заставленным подносом, молоденькая девушка — младше меня, это точно. Я пригляделась и охнула, увидев выглянувшие из-под длинного подола юбки козы копытца. Тут еще и агуане есть!

Я помотала головой и огляделась по сторонам, пытаюсь найти подходящую кандидатуру на роль своего убийцы. Пора наконец заканчивать эту комедию!

Мрачного милеза, полукровку в зеленом мундире с серебристо-черными нашивками капрала Порубежной стражи, сидевшего у самой стойки, я сначала не заметила. Проходила мимо его столика и случайно столкнула на пол лежащий на столешнице тяжелый клеймор, наполовину вынутый из ножен.

— Осторожней! — зло буркнул мужчина, отставляя в сторону кружку с каким-то напитком. Поднял упавшее оружие и даже не удостоил меня вниманием.

— Извините, — тихо выдохнула я, поспешно отходя от него.

Отступила на несколько шагов спиной вперед, толкнула какого-то фения и окончательно стушевалась, когда тот, скептически скривившись, обронил что-то о молокососах, шляющихся по приличным заведениям.

Стоп! Я ведь зачем сюда пришла? Затем, чтобы меня убили. И, кажется, вот этот подозрительный тип с клеймором как раз подходит. Во-первых, у него большой меч. А во-вторых, он точно полукровка! Для фения кожа слишком смуглая, для человека — волосы седые, таких в молодом возрасте не бывает, а он явно молод, может, чуть постарше Шемяена. Осталось только придумать повод...

Уже через несколько минут двуручный меч полукровки вновь полетел на пол.

— Смотри, куда идешь, мальчишка! — ощерился мужчина, бережно поднимая клинок.

— Смотрите, где свои мечи оставляете! — не осталась я в долгу.

Мой собеседник скривился, смерил меня взглядом и отвернулся. Вечный Змей! Никогда не думала, что совершить самоубийство настолько трудно! Хотя... Кажется, у меня появилась идея.

Бросила на прилавок мелкую монету. Трактирщик вопросительно посмотрел на меня, и я указала пальцем на первую попавшуюся бутылку. Получив кружку с каким-то дико вонючим пойлом, вновь двинулась мимо столика полукровки.

В третий раз спихнуть его меч на пол оказалось сложнее. Проклятый метис предусмотрительно придерживал клеймор рукой, но ведь главное — захотеть! Немного стараний, и клинок вновь звякнул о каменные плиты.

— Да ты издеваешься, что ли?! — взвился милез.

Вместо ответа я смерила мужчину долгим взглядом и презрительно сплюнула ему под ноги.

Попала милезу на сапог.

А потом вдруг голова взорвалась от резкой боли...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Айден

«Хочешь умереть — затей спор с полукровкой». Прописная истина, ага. Только некоторых, похоже, и читать-то не научили...

А проблемы в результате имеем мы. Точнее, в данный момент — я.

— Айден, ты его не убил?.. — Голос подавальщицы вернул меня к действительности. Действительность в виде распростертого тела под ногами не шибко радовала.

— Не убил. — Присев на корточки, я коснулся пальцами шеи парня. — Живой. Но в отключке. Хорошие у твоего отца кружки, Арлета... И оружия никакого не надо.

— С тебя две монеты. — Подавальщица выудила из спутанных черных кудрей моей «жертвы» глиняный осколок. — За битье посуды... Бедный мальчик. На лбу теперь синяк будет. Слушай, тебе его лицо знакомым не кажется?

— Такого идиота я бы запомнил. — Подумав, я все-таки легонько похлопал дурачка по щекам. Бесплезно. От души приложил, теперь нескоро очухается. — Кликни Винни, пусть на воздух его вынесет, что ли. А мне еще пива принеси. И двух глотков сделать не успел.

— Айден...

— Откуда он только взялся? — Я поднял с грязного пола клеймор. — Ну естественно, все ножны не пойми в чем! Хорошо еще вообще под шумок не сперли.

— Айден!

Испуганный шепот Арлеты не сразу пробился сквозь гул голосов в трактире: если бы тут замолкали каждый раз, когда кого-то бьют, «Зеленая ундина» давно превратилась бы в обитель скорби и молчания. Я закинул меч за спину и обернулся:

— Что? Мне больше в кредит не отпускают?

— Какой кредит?! — зашипела девушка. — Вы, мужчины, только о выпивке и думаете!

— Ну почему же...

— И прекрати мне подмигивать, дурак, — сердито фыркнула Арлета. — Лучше глаза протри да взгляни, кому ты чуть голову не проломил своей кружкой!

— Не моей, а вашей. — Я послушно нагнулся над непо-

движным телом. — Ну смотрю. Юнец безусый, дурной до невозможности. Без оружия.

— Без оружия, — теряя терпение, подтвердила дочь трактирщика. И нервно чиркнула по полу копытцем: — Зато с медальоном золотым! И сам гляди, какой чистенький, ручки белые... Айден, тебе уже с двух глотков зрение отказывает?! Мальчик же из господ! А ты...

А я его кружкой по черепу приголубил. Только что. И он сейчас на заплеванном полу окраинной таверны в позе дохлого кузнечика валяется. С шишкой на лбу. Ай молодец, капрал Иассир, отличился так отличился!

— Так, — живо вспомнив законы Шасвара и осознав всю глубину известного места, куда сам себя только что вогнал, я подхватил парня под мышки, — отцу — ни слова! Отвлеки Лори от задней двери, а дальше я сам справлюсь... Если кто заметит, скажи, что мальчик перебрал с непривычки. Ключ от сторожки у тебя?

— На, держи. — Умница Арлета быстро сунула ключ в мой нагрудный карман. — Уноси его, с Лори я разберусь. Только... Айден, ты же его не обидишь?

Я покосился на свесившего кудрявую голову мальчишку:

— Его уже природа обидела. Умом... Арлета, ну честное слово, зверь я, что ли? Запахну в сторожку — да только меня здесь и видели!

— А если он в лицо тебя запомнил?

— И что? — ухмыльнулся я. — Будет ходить и всем рассказывать, как об его голову в трактире какой-то милез кружку разбил? Свои же уважать перестанут... Арлета, солнышко, займись Лори. Если этот лизоблюд настучит почтенному Рокушу, твой папочка нам обоим головы открутит!..

Парнишка почти ничего не весил. И признаков жизни, как это ни печально, тоже не подавал... Рука у меня тяжелая, да. С головой только плохо! Ну что я, сам не мог разглядеть, какой «подарочек» мне судьба подкинула? Ведь и правда чистенький, тоненький, даже хамил и то на «вы»! Я заскрипел зубами. Хорошо если малец незлопамятный окажется. И не слишком знатный. Иначе сидеть мне на гауптвахте до следующей зимы. Это в самом лучшем случае.

Заветная сторожка (эх, сколько с ней связано воспоминаний!) услужливо вынырнула из-за пышных кустов боярыш-

ника. Наконец-то! И так перетрясся весь, как бы не увидели... Дожил. Уже собственной тени пугаюсь! Кто бы мне еще вчера сказал, что я, Айден Иассир, капрал Порубежной стражи, буду по углам шухериться, как мышь с сыром в зубах, я бы этому прорицателю дал в морду. И Блэйр бы еще от себя добавил — мой лучший друг за ближнего последнюю рубаху по-рвет... А теперь выходит, что в морду дать могут как раз мне. Причем за дело. Дернул же Трын одноглазый этого маменькиного сынка явиться в «Зеленую ундину» и нарваться именно на меня!

Хотя кого я обманываю? Мои проблемы начались не сейчас, когда кое-кому приспичило плюнуть мне на сапог. И не час назад, когда я явился в трактир почтенного Рокуша, чтобы встретиться с человеком, каких мой отец называет исключительно отбросами и язвами на теле общества... Главная моя проблема — это, увы, я сам.

«Полукровка» в Унгарии — ругательство. А в кнесате Шасвар — готовый «волчий билет». Причем с наглядной демонстрацией оного: в отличие от чистокровных унгарцев нам запрещено ставить свою фамилию перед именем. Чтобы уже при знакомстве видно было, кто с кем имеет дело! И если бы на этом все и заканчивалось... Но увы. Так уж получилось, что кнесат граничит с Фирбоуэном. А что такое пограничье, не мне вам рассказывать, да? Люди не любят фениев, фении не любят людей, и солидарны они только в одном: и те, и другие сторонятся полукровок, милезов. Ага, таких вот, как я. Почему? Да потому, что не знают, чего от нас ожидать. Мы ведь не просто чужие — мы ушербные. Мы не наследуем семейного дара нелюдей и при рождении теряем каплю человеческой сущности. Вот, к примеру, Блэйр, мой друг и один из фурьеров нашего полка: его отец — из Фирбоуэна, из клана Говорящих с Облаками, а мать — мелкопоместная дворянка с пограничья. Блэйр не может вызвать даже росу, не говоря уж о том, чтобы менять погоду. А еще он не чувствует холода — нет у него такой нормальной человеческой реакции. И если бы стужа не могла причинить ему вред! Увы, очень даже может. Он в детстве едва не замерз насмерть, насилу спасли... А парень даже не понял, в чем дело. Ему и лед-то не холодный.

Еще есть Гилмор, из мисов, — он не знает, что такое голод. Лаум Атти — с атрофированным чувством страха и без крыль-

ев, которыми славен род его отца. И Вейлин, полуфений, как мы с Блэйром, один из моих ополченцев, — начисто лишенный сострадания... Если вы еще не заметили, все перечисленные — мужчины. Женщин-полукровок Рок задел другой стороной клинка: они рождаются людьми и ничто человеческое им не чуждо. Ни внешне, ни внутренне. За одним исключением — способности к деторождению. Кто знает, может, их наказали гораздо суровее? Хотя... Как говорит Кхира, наша полковая швея: «Зачем плодить убогих?» И сама себе отвечает: «Незачем!» А по ночам плачет в подушку. Я знаю, мне Блэйр рассказывал...

Это только те немногие, с кем я лично знаком. А сколько нас еще таких? Увечных, бесчувственных, «недоделанных», как величают полукровок унгарцы. И мы даже возразить не можем — потому что такие и есть. Суровая правда жизни. Хотя мне еще повезло, прямо скажем! Материнский дар мне не передан, конечно, но и ничего жизненно важного светлые боги у меня не отняли: чувствую вроде бы все, что положено. Если бы не внешность — человек человеком! Одно лишь гложет — а что, если мой изъян попросту пока не проявился?.. И так тоже бывает. Но с этим страхом я уже как-то свыкся. А вот с тем, что моя жизнь и карьера сейчас висят на волоске, я смиряться не собираюсь!

Думаете, я из-за этого кудрявого недоумка так распереживался? Нет. Мальчишка — только вершина айсберга. Но именно он может стать последней каплей, которая утопит мой прохудившийся кораблишко...

Началось все месяца полтора назад. Я проснулся поутру с гудящей головой и обнаружил, что сижу в тюремной камере. Камера была знакома, я в шасварском каземате частый гость. Только обычно я хотя бы частично помню, за какие грехи туда залетел! Но в этот раз... Когда мне озвучили список моих «бесчинств», даже бывалый тюремщик Тибор рот разинул: осквернение храма Матери Рассвета, пьяное безобразие в заведении мадам Шани и нанесение словесных оскорблений обер-офицеру Кишшу Себастиану, моему непосредственному начальнику! Я, разумеется, не подарок, но уж вот так-то? Да, Себастиан — та еще скотина, и ему я вполне мог нахамить. И даже немножко похулиганить в веселом доме госпожи Шани мог, хотя, если честно, там и не таких бузотеров видывали... Но осквернить святые стены храма бульварной ру-

ганью?! Таких фортелей я еще не выкидывал. И очень сомневаюсь, что смог бы выкинуть вообще...

Однако проклятая память, убитая ночью двумя бочонками крепленой бражки, наотрез отказывалась воскресать. Так что пришлось признать свою вину и понести заслуженное наказание... Думаете, на этом все кончилось? Как бы не так. Памятуня о прошлом печальном опыте, на следующей дружеской пирушке я ограничился всего двумя пинтами светлого. После чего ушел в казарму на своих ногах, будучи трезв как стеклышко. И что же? Едва рассвело, в расположение нашего полка явился урядник с тремя подручными и предъявил мне новое обвинение: якобы капрал Иассир незадолго до полуночи ворвался в спальню уважаемой вдовы Фаркашне Каллаи Агаты и, «не чинясь, предложил пострадавшей то, о чем порядочный человек не смеет даже думать». Означенная вдова подняла шум, сбежались слуги и соседи, но «охальник, напоследок обложив почтенных граждан словами, от которых краснеет даже бумага, успел скрыться»... Да я такой чудовищной лжи в жизни своей не слышал! Во-первых, офицерам Порубежной стражи нет нужды вламываться в дамские спальни — их туда обычно приглашают. Во-вторых, благородная госпожа Агата годится мне в прабабушки. Ну и в-последних — на момент указанных событий «возмутитель спокойствия» и «ниспровергатель морали» в моем лице уже мирно сопел в подушку, лежа на койке в родной казарме! Что за бред?!

Бред не бред, а вдова Фаркашне Каллаи с пеной у рта уверяла, что именно мою «мерзкую рожу» она видела в своей спальне. То же твердили многочисленные свидетели. Нетрудно догадаться, кому поверил урядник... Если бы не личное вмешательство капитана Лигети, я бы уже гремел кандалами где-нибудь на задворках империи. При том, заметьте, что уж тут-то был совершенно ни в чем не виноват!

Но и это, увы, оказался еще не финал праздника. Не далее как позавчера нашу казарму посетила парочка дельцов с Хрустальной улицы. Как вы уже догадываетесь по названию, на сей улице располагаются в основном ювелирные лавки. И мои посетители были почтенными ювелирами в пятом поколении. Что же заставило двух уважаемых небедных господ посетить мою скромную обитель? Как выяснилось, я и заставил... Но до меня ни один, ни другой так и не добрались. Мол-

ча выслушав претензии визитеров, вахтенный указал им пальцем на дверь и сопроводил свой жест парой не очень вежливых, но весьма убедительных слов. Дельцы возмутились, переглянулись и гордо удалились... А тем же вечером у ворот погранзаставы остановились лакированные дрожки, и адъютант генерала Ференци Шандора, соскочив с облучка, передал мне срочный приказ — незамедлительно явиться в особняк его превосходительства. А я что? Я пошел...

— Как это понимать? — Генерал Ференци, захлопнув за моей спиной дверь рабочего кабинета, ткнул пальцем в столешницу. Там лежали два вскрытых конверта.

— Не могу знать, ваше превосходительство! — честно отпартовал я, прислушиваясь к затихающим в коридоре шагам адъютанта.

— И даже догадок никаких? — уже на полтона ниже рыкнул генерал. — Что ж, поясню! Это кляузы от двух известных всему городу ростовщиков. Кляузы на тебя. И мне очень интересно, что ты можешь сказать по этому поводу!

— Ничего, — все так же честно ответил я. — Понятия не имею, что я мог такого...

— Короче! Ты был вчера на Хрустальной улице?!

— Ну... как бы... если подумать...

— Айден!

— Был, — вздохнув, капитулировал я. — Ну купил безделушку подруге на именины, и что с того-то?

— Купил, значит?!

— Отец, я не понимаю... Да, я вчера был на Хрустальной улице, искал подарок Арлете. Присмотрел сережки с бирюзой. И да, купил! А если этот прощельга думал, что я не знаю, сколько они стоят на самом деле, и возьму, не торгуясь... Я ему что, лопух деревенский?!

Генерал Ференци («папой» его назвать у меня никогда духу не хватит, я и «отца»-то не так давно себе позволил) открыл было рот, потом подумал — и закрыл. После чего, не говоря ни слова, поднял со стола злосчастные конверты и протянул мне. Я взял. Вынул письма. Прочел...

— Да они совсем обнаглели?!

— Следите за языком, капрал Иассир, — сухо проговорил его превосходительство. — Вы не у себя в казарме. Так что, выходит, ростовщики мне солгали?

— Конечно! — Моему возмущению не было предела. — Повторяю: я пришел в лавочку маэстро Пинхаса, с часок потрговался и купил серьги. А к почтенному Ашеру, который утверждает, что я спер у него сапфировый гарнитур, и к не менее почтенному Хиршу, которому я якобы этот самый гарнитур через полчаса перепродал, я вообще не заходил! Ни тогда, ни до того! Что я, стукнутый? У них же цены, как...

— Не заходил, значит?

— Нет!

— Но тебя видели вчера и там, и там. Причем не только сами ростовщики, но и другие покупатели... И среди них, между прочим, небезызвестный тебе капитан Лигети. Что ты на это скажешь?

Я не нашелся с ответом. Ростовщики — еще куда ни шло, все мы знаем, что это за жулье. Но капитан? Человек, исключительно благодаря которому я в свое время не потерял чин... Который спас меня от каторги и уговорил вдову Фаркашне Каллаи сменить гнев на милость... Он врать не мог. И ему незачем это делать. Но раз так, то...

— Отец, это не я. Ты ведь меня знаешь. Да, я не ангел. И, наверное, не лучший сын... Но я не вор!

Генерал задумчиво посмотрел на смятые листочки у меня в руках и покачал головой:

— Я уже не знаю, кому из вас верить, Айден. И что со всем этим делать, тоже не знаю. Факты свидетельствуют против тебя. К тому же твоя репутация оставляет желать лучшего.

— При чем здесь моя репутация?! Я никогда не брал чужого!

— А женщины? — Генерал приподнял бровь. — Чужие жены, стало быть, не в счет? И нечего глаза отводить, я не слепой и не глухой — и то, что добрая треть мужей Эгеса обзавелась ветвистыми рогами при твоём участии, мне известно!

— Рогами — может быть... но я же их не грабил! И ювелиров тоже! Это поклеп!

— И ты в состоянии это доказать? — мрачно поинтересовался отец. — Если уважаемые дельцы обратятся с официальной жалобой...

Его речь прервал торопливый стук в дверь.

— Я занят! — недовольно отозвался генерал.

— Прошу прощения, ваше превосходительство, — донесся

с той стороны сконфуженный голос адъютанта. — Но вам письмо... Посыльный сказал — срочное...

— От кого? — Генерал, подумав, махнул рукой. — Да не топчись ты там, войди. Из штаба передали?

Дверь приоткрылась, и адъютант генерала Ференци проскользнул в кабинет:

— Не могу знать, ваше превосходительство. Только велено передать, что важное и лично в руки.

— Точно из штаба, — поморщился отец, принимая письмо. — Вечно разведут таинственность... Ступай! И больше не беспокой по пустякам.

Адъютант поклонился и исчез. Генерал покрутил в пальцах запечатанный конверт и потянулся за ножом для бумаг:

— Надеюсь, это не очередной донос на тебя, Айден. Потому что тогда...

Ну да, дальше можно не продолжать. Кажется, спета моя песенка. И самое обидное — ну ладно был бы повод! А так? Может, по части морали и семейных ценностей я отнюдь не пример, но воровать?! Да я ведь даже взятку сроду не брал, клянусь богами!

И к приснопамятной вдове в спальню не лазил.

Другое дело, что репутация моя действительно кричит совсем об обратном. Я вздохнул и поднял взгляд на отца. В том, что «срочное письмо» — очередной гвоздь в крышку моего гроба, я уже почти не сомневался.

И, увидев выражение лица генерала, только уверился в своих предположениях. Глаза его превосходительства, бегающие по строчкам, становились все больше и больше. По лицу металась тень. Зажатый в левой руке нож для бумаг упал на ковер... Ну, значит, точно все. И из этого кабинета меня выведут под конвоем. Куда — не хочу даже думать.

— Значит, это правда? — словно в забытьи, пробормотал отец. Выпустив из рук исписанный убористым почерком лист, он тяжело опустился на стул.

В комнате повисла тишина. Я опустил плечи. И вдруг услышал:

— Вы свободны, капрал Иассир. Возвращайтесь в казарму. Не понял?..

— Я удовлетворю претензии господина Хирша и господина Ашера, — бесцветным голосом продолжил его превосходительство. — Развязать кошель и попросить уважаемых де-

льцов держать язык за зубами — единственное, что можно сделать в этой ситуации.

— Но как же... Не понимаю! — не выдержал я. — Меня оболгали, а ты хочешь спустить все на тормозах?!

— Да! — отрезал генерал Ференци. И после паузы добавил чуть мягче: — Я верю, что ты невиновен, сын. Но мы никому ничего не докажем. Я с большим трудом выбил тебе место, хотя это не в моих правилах. И я не могу позволить, чтобы мое имя трепали на каждом углу в связи с неподобающим поведением моего воспитанника, пусть даже совесть его чиста... Хватит с нас той истории с контрабандой в Армише. Возвращайся в казарму, Айден. С Хиршем и Ашером я разберусь сам.

Возражать я не рискнул.

Дело замаяли. Умасленные солидными откупными ростовщики больше не имели ко мне никаких претензий, капитан Лигети, с которым я имел долгий разговор тет-а-тет, тоже в конце концов признал, что мог и ошибиться... Но толку-то от этого? Ясно же как божий день — кто-то всерьез вознамерился испортить мне жизнь. И этот «кто-то» здорово на меня похож! Или же намеренно постарался стать похожим... Все эти обвинения — одна сплошная ложь! У ростовщиков есть свидетели? Так ведь и у меня они тоже есть! Почему отец отказался дать ход делу? Это ведь в его интересах, что бы он там ни говорил.

Но больше всего это в моих собственных интересах. Если папе по какой-то причине не хочется вникать в ситуацию — что ж, таково его решение. Но жизнь-то моя. И я никому не позволю мешать мое имя с грязью!

Собственно, для того я и пришел сегодня к Рокушу. Блэйр договорился кое с кем из Змей относительно маленькой недешевой консультации. И я бы ее получил, боги свидетели! Если бы не...

— Если бы не ты, — безрадостно пробормотал я, глядя на лежащего без движения паренька. Хорошо в сторожке топчан имелся, не пришлось изнеженного дворянчика снова на пол укладывать. Хоть что-то мне в плюс.

Я нагнулся и еще раз похлопал мальчишку по щекам. Безрезультатно. Разве что... А ведь Арлета права, пожалуй, — мордашка определенно знакомая! Мы с ним где-то встречались?

— Эй! Ты в себя-то приходи уже, ну! Нарожали чахликов — с одного удара копыта норовят откинуть... Как тебя вообще родители из дома без охраны выпустили?

Вопрос остался без ответа, что неудивительно. Удивительно то, что я до сих пор здесь! Дурачок сам нарвался, за это и получил, и мое счастье, что он до сих пор глаз открыть не может. Сейчас бы дунуть отсюда на средней курьерской, однако же... Ну почему я не такой, как Вейлин? Он и убьет — не почешется, а я, дурак...

— Ты очухаешься или нет? — Я взял безвольное тело за плечи и хорошенько встряхнул. Куда там! Как валялся бледной лягушкой, так и валяется... Стоп. Может, ему попросту дышать нечем? Камзольчик-то явно маловат, аж ткань на плечах трещит. Ослабим немножко, на пару-тройку пуговиц...

— Трын одноглазый!

— Что... Кто... А-а-ай-й-й!..

Шлеп!

Ну вот. Можете меня поздравить — мне все-таки дали по морде.

На долгую минуту в маленькой сторожке повисла тишина. Такая густая, что хоть ножом режь. И мне очень повезет, если...

— Что вы себе позволяете?!

Не повезло. Я задумчиво потер горящую щеку и пожал плечами:

— Ничего как будто. Приношу свои извинения, госпожа, но вы очень талантливо косили под мальчика. Только на будущее — выбирайте все-таки одежду по размеру. Не все солдаты такие щепетильные.

— Да вы... вы...

Девушка сжала кулачки. Зеленые глазищи сверкают от возмущения, кудри в разные стороны. Подстричься могла бы и получше, а так в целом хорошенькая. И точно из благородных, Арлета не ошиблась. Вопрос — что этот тепличный цветок у Рокуша позабыл, да еще и в таком-то виде?

— Где я? — Она настороженно огляделась. Потом, спохватившись, наглухо застегнула ворот камзола и повторила: — Куда вы меня притащили? И зачем?

— Да уж точно не за тем, что вы тут себе вообразили. — Я хмыкнул. — Не волнуйтесь, госпожа, вы не в моем вкусе. А что до сторожки — могли бы и спасибо сказать. В «Зеленой ундине» дамы без сознания долго на полу не валяются. По крайней мере, в одиночестве.

Девушка залилась краской до самых ушей. Ушки, кстати, тоже миленькие. Тьфу, да о чем я вообще думаю?!

— Опустим детали. — Я прислонился плечом к двери и с любопытством уставился на незнакомку: — Кто вы? И зачем вам понадобилось заведение почтенного Рокуша? Это не лучшее место для порядочной женщины. Или я малость ошибся насчет порядочности?

— Наглец! — Девушка аж подпрыгнула на топчане.

— Значит, не ошибся. И тем более не понимаю, чему я обязан нашей случайной встрече. Потянуло на приключения? Или по голове давно не били?

— Вас никто не просил лупить меня кружкой! — Губы девушки задрожали. — И сюда тоже тащить никто не просил! Зачем вам ваш меч, если... если вы даже... а еще милез, называется!

Ого. То есть я ее буквально сам от себя спас, а она же теперь еще и в претензии? Женщины! Их можно любить, можно ненавидеть, но понять еще никому не удавалось. Я открыл было рот, чтобы озвучить свое мнение, но внезапно пришедшая в голову шальная мысль одним махом перебила все остальные. Кружка ей, значит, была не нужна, а мой клеймор...

— Вы совсем с ума сошли? — разом охрипнув, спросил я. — Или у вас его и вовсе нет? Жить надоело — так пойдите и утопитесь! Или отравитесь, как там у вас принято. Меня-то на убийство зачем толкать? По той простой причине, что я — милез?!

Она опустила глаза и вжалась спиной в стену. Понятно. Комментарии излишни.

— Сожалею, госпожа. Я не привык рубить направо и налево без разбору. И я не поднимаю руку на женщин. — Я бросил на топчан ключ: — Будете уходить — запирайте сторожку. Удачи.

— Подождите, куда вы?!

— Подальше отсюда. — Я взялся за ручку двери. — Вам жизнь не мила, а мне — очень даже.

С той стороны кто-то с силой толкнул дверь. Ну вот! До-трепался!

— Айден! — донесся снаружи знакомый голос. — Айден, ты здесь? Арлета сказала...

— Ф-фух... — Я утер пот со лба. — Блэйр... Так ведь и паралич схлопотать недолго.

— Открывай! — По двери шарахнули кулаком. — Открывай скорее, я и так насилу успел. Да ты заснул там, что ли?!

Что он успел? Зачем? И почему так орет? Пожав плечами, я потянулся к засову и чертыхнулся — девчонка! Мои проблемы — это мои проблемы, но еще и друга в них впутывать...

— Так! — Я обернулся к топчану. — Вон там в углу занавеска — марш туда, и чтобы тихо мне! Предупреждаю — убить все равно не убью, а еще раз чем-нибудь по макушке точно обрадую! Понятно?

— Д-да. — Незнакомка испуганно втянула голову в плечи и, резво соскочив с топчана, метнулась за занавеску.

Ты смотри, самоубийца не самоубийца, а черепушку-то жалко...

Я поднял засов:

— Заходи. С чего такой взбудораженный? Тебе Арлета уже разболтала?

— О чем? — Блэйр скользнул через порог и захлопнул за собой дверь. Вид у него был странный.

Я удивленно хмыкнул:

— Не успела, значит? Ну да ладно. Откуда такой красивый? Нашивка вон на одной нитке болтается.

— Да боги с ней, с нашивкой! — Глаза фурыера лихорадочно сверкнули в полумраке сторожки. — Плохи дела, Айден!

— Час от часу не легче. Что мы опять натворили?

— Не мы, а ты! То есть, кажется, не ты, а... Короче, вот я тут принес... — Друг расстегнул форменную куртку и вывалил на приоконный столик кучу барахла. — Бери и беги! Лошадь я у Стефиана увел, на Ветерке тебя никто не догонит. Ребята с Третьей заставы предупреждены... Да что ты встал столбом?! Еще чуть-чуть — и нас тут обоих Цербер накроет!

Цербер — кличка начальника гарнизона, Цингера Матьяша. Он у нас мужик суровый. Одного только не понимаю — я-то ему на кой сдался? И Блэйр сам не свой, хотя, чтобы его напугать, очень постараться надо. Что он тут мне притащил?

Сухпак, фляжка, чистые портянки, туго набитый кошель, кисет с табаком... Да я же не курю!

— Так, погоди! — Я поймал фурьера за руку. — Объясни ты толком — что стряслось? К чему такой аврал? И с какой стати Цербер по мне так соскучился?

Блэйр нервно глянул в окошко, судя по всему, ничего страшного не увидел и повернулся ко мне:

— Ты ведь с его женой шуры-муры крутишь?

— Ну, э-э...

— Крутишь, не свисти! Весь полк про это знает. А сегодня еще и Церберу глаза открыли... Дальше продолжать?

— Трындец, — емко резюмировал я.

Товарищ кивнул:

— Он самый. Причем с двумя глазами сразу. Давай собирайся, конь за дровяным сараем ждет. Рокуш обещал задержать рогатика, но сам понимаешь...

— Погоди, Блэйр. А кто меня Церберу сдал?

Друг крикнул. Запнулся на мгновение, махнул рукой и сказал:

— Ты!

— Что?!

— Айден, да у меня у самого в голове не укладывается! И главное, своими же глазами видел... Иду, понимаешь, мимо начальственных хором — а тут капрал Иассир, собственной персоной! Из окна шасть — да в кусты одним прыжком. Даже меня не заметил. А я-то знаю, что ты совсем недавно к Рокушу ушел и что со Змеями договоренность имел пообщаться, а вы на три часа пополудни условились! Гляжу на часы — десять минут четвертого. Не могли же так быстро-то...

— Ближе к делу!

— А что — ближе? — развел руками Блэйр. — Я удивиться толком не успел, как из того же окна начальник гарнизона вылез — рожа красная, усы дыбом, орет на всю улицу! Проорался, кликнул свою охрану, прыг в седло и усвистел. Я, понятно, к его ординарцу. И что узнаю — застукал Цербер собственную жену в постели с капралом Иассиром, взбесился, само собой, да в погоню за оскорбителем бросился! Ясное дело, на нашу заставу в первую голову помчится. А там полроты в курсе, куда ты отправился... Вот я, не дожидаясь развязки, у Стефиана жеребца подрезал — и сюда.

Фурьер перевел дух, снова взглянул в окошко и проговорил, поколебавшись:

— Айден... Я на глаза-то не жалуюсь, но...

— Да не я это был! — У меня скулы свело от злости. — Не я! Меня у Рокуша уйма народу видела! Пришел в половине третьего — и сидел, встречи ждал. Трын одноглазый! Это какой же сволочи я так насолить умудрился?

Блэйр развел руками.

— Ладно, — я сгреб со столика сухпай, фляжку и кошелек, — не до дедукций. Спасибо, дружище. Ты беги к Рокушу, помоги ему, если Цербер совсем уж зверствовать начнет. Какую заставу предупредили? Третью?

— Ну да. — Приятель шагнул на крыльцо. — Если лиять, так только через нее. В Мертвый Эгес даже наш безбашенный ревнивец не полезет. Посиди там пару дней, пока страсти не улягутся, а со Змеями я сам поговорю. Они всю шушеру в кнессате на уши поставят!

— Хорошо бы! — Я улыбнулся, хлопнув товарища по плечу.

И только глядя ему вслед, осознал, как же круто влип.

Тут уже не помогут ни Лигети, ни отец. Причем последний, учитывая мою сомнительную славу по части дам и недавний инцидент с вдовой Фаркашне Каллаи, еще и самолично «воспитанника» в казематы определит!

— У всех на глазах выскочить из спальни жены начальника гарнизона, — тоскливо пробормотал я. — Тут хоть в лепешку разбейся, никому ничего не докажешь. Да, меня видели в «Зеленой ундине» с полсотни рыл. Но кто их слушать-то будет? Тоже мне свидетели. Половина из них — такие же, как я, вторая половина — еще хуже... Светлые боги, чем я вас так прогневил?!

Дрожащие пальчики тронули меня за локоть:

— Простите, что мешаю, капрал...

ТЬфу ты! Эта ненормальная из таверны, совсем про нее забыл. Я обернулся:

— Прощаю. И прощаюсь. Если вы убиваться не передумали, дождитесь отряда Цингера Матьяша — они в красных мундирах, не ошибетесь. Который самый толстый, с усами, — командир. Залезьте на стол, громко назовите его рогоносцем — и привет от меня Вечному Змею!

— Да нет же! — Девушка тряхнула головой и еще сильнее вцепилась в мой локоть: — Я... Я передумала!

— Вы меня этим просто осчастливили. — Я отцепил ее пальцы от рукава и шагнул через порог.

Так. Блэйр сказал, что Ветерок за дровяным сараем? Тут рукой подать. Глядишь, успею смыться. Перед Рокушем неудобно, сил нет! Он и так меня через раз от начальства прикрывает.

— Капрал, подождите!

Светлые боги, вот же беда на мою голову.

— Госпожа, — я тяжело вздохнул, — вы таки твердо намерены подвести меня под монастырь?

— Нет. — Она быстро помотала головой. — Наоборот! Я хочу... то есть могу... вам помочь!

— Грудью от Цербера прикроете, что ли? — не удержавшись, ухмыльнулся я. — Так воля ваша, а было б чем.

Зеленые глаза гневно сверкнули, но во второй раз по физиономии я все же не огреб. Вместо этого странная девица решительно вздернула подбородок и посмотрела мне в лицо:

— Я сделаю вид, что не слышала ваших последних слов, капрал Иассир... Вас ведь так зовут, да? Я запомню. Убивать вы меня не стали и не станете, а живой я вам могу существенно добавить неприятностей. И я же в силах вас от них избавить. Вы совершенно правы — никто не будет слушать завсегдаев окраинной таверны. Но слово урожденной кнесны де Шасвар — совсем другое дело!

— Чье слово? — опешил я.

Девушка с достоинством склонила голову:

— Мое, господин офицер.

— Ваше? — ядовито хмыкнул я. — Ну-ну. Решили подсласить мою бесславную кончину минутой здорового смеха? Кнесна! А что ж не сразу наследница унгарского престола? Вот это был бы размах, это я понимаю.

— Прекратите паясничать! Я сказала правду! — Сжав кулачки, девица свела брови на переносице.

И я снова поймал себя на мысли, что где-то уже все это видел. Только вот где?

Перед моими глазами вдруг возникла гостиная в доме капитана Лигети. Чайный столик, диван напротив, а вверху на стене три портрета: император Унгарии Лёринц Третий, его

высокоблагородие маршал Буриан и Калнас Конрад, великий кнес де Шасвар. Сурово нахмуренные черные брови, падающий на лоб кудрявый завиток непослушных волос...

— Светлые боги!

— Кажется, они забыли про нас обоих, — с невеселой улыбкой обронила девушка. И склонила голову набок: — Так что, капрал? Поможем друг другу?

Нет, я сейчас с ума сойду. Дочки правителя кнесата мне здесь только не хватало! Да чем я могу ей помочь? Мне бы кто помог, честное слово!

— Возьмите меня с собой, — попросила девушка, глядя на меня снизу вверх.

— С собой? — тупо повторил я. — В Мертвый Эгес? На межграниць? Я, если что, не на пикник собираюсь, госпожа де Шасвар! Кроме того, меня ищут.

— Это не важно. — Ее голос предательски дрогнул. — Я не навязываюсь в попутчики, просто... раз вы все равно собираетесь перейти границу... Я... я не могу здесь оставаться! Прошу вас, капрал!

Боги, она что, плачет? Нет, ну это уже перебор.

— Возьмите меня с собой! Пожалуйста! Я была не права тогда в таверне, но... если у вас есть сердце...

Ну вот и что на это можно ответить? Что сердца у меня нет? Увы, оно есть и всегда было.

В отличие от мозгов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Матильда

Мама говорила, что я должна уметь ездить и в мужском седле, и в дамском, и даже по-лаумейски, без седла. Как сейчас помню ее красивое лицо, черные волосы, заплетенные по последней столичной моде в две толстые, с руку, косы, изящные запястья, серебристое платье с воротником-стойкой, прямой взгляд темных глаз с неимоверно большими зрачками, занимающими практически всю радужку... Прошло уже больше десяти лет с тех пор, как я видела кнесицу де Шасвар в последний раз, а воспоминания настолько свежи, словно это было лишь вчера. Впрочем, я отвлеклась.

Мама говорила, что я должна уметь ездить по-разному. Отец утверждал, что приличным девицам не подобает громоздиться в мужском седле, раскорячившись, подобно беременному таракану. Только в дамском!

В итоге, оказавшись на улице, я замерла перед Ветерком, не зная, что же делать дальше.

— Так и будете стоять? — громыхнул за спиной уже знакомый голос.

Я оглянулась и судорожно попыталась подобрать слова:

— Понимаете, капрал, я не умею. Он не под тем седлом и...

Милез сердито сверкнул глазами, обогнул меня и одним прыжком оказался на коне. Кажется, даже стремян не коснулся. Я и пискнуть не успела, как он, чуть склонившись, подхватил меня и усадил впереди себя. Мать Рассвета, как же тут неудобно!

— Держитесь, госпожа де Шасвар, — горячо шепнули на ухо. А в следующий миг мой спутник пришпорил коня.

Копыта выстукивали звонкую дробь по булыжной мостовой, ветер, бьющий в лицо, выбивал слезы, а я... Обеими руками вцепившись в гриву, я пыталась собраться с мыслями.

Только этим, а также тем, что мне слишком сильно дали по голове — недаром она так болела, — можно объяснить тот факт, что я не сразу поняла, в какую сторону мы движемся. Осознание масштаба неприятностей, в которые я влипла, пришло, когда мы уже выехали на улицу Зеленой ночи.

— Капрал, вы действительно решили ехать в Мертвый Эгес?

— Вы очень догадливы, госпожа.

— Но это же самоубийство!

Он только хмыкнул:

— Вы предпочитаете чуть менее надежные способы?

Я даже не нашла, что ответить на такую наглость.

Ворота на Третьей заставе, несмотря на обещания этого... Блэйра, оказались закрыты. Кто бы сомневался. Желаящих совершить суицид здесь всего двое — я и, как выяснилось, капрал Иассир. А на воротах, ведущих к Мертвому Эгесу, самоубийц никогда не держали. Это, знаете ли, чревато.

Мой спутник тихо ругнулся сквозь зубы и рывкнул в полную мощь:

— Заснули там, что ли? Открыть ворота!

— Иду-иду! — лениво откликнулся хрипатый голос из сторожки.

Через несколько минут по ступенькам спустились двое: субтильный мальчишка в гражданском платье и обрюзгший мужчина лет сорока в мундире с погонами фендрика.

Неужто это вся стража? Да еще и на тех воротах, что выходят в сторону пограничья... Пусть за стенами Мертвый Эгес и по доброй воле через него никто не пойдет, но нельзя же так!

Откуда-то с высоты раздался громкий кашель. Я вскинула голову и разглядела, что на стене стоят еще шестеро солдат, с любопытством наблюдающих за нами. Это уже радует, ворота не брошены на произвол судьбы.

Матильда, о чем ты вообще думаешь? Тебе надо быстрее уйти из города, раз уж пасть смертью храбрых не получилось, а ты размышляешь об обороноспособности Эгеса!

— Капрал Иассир! — ухмыльнулся взрослый обер-офицер. — А мы вас уже заждались, думали, вы на другую заставу пошли.

— Открывай ворота, — отрывисто скомандовал милез, разом забыв о субординации.

— Никак нет, господин капрал! — вытянулся во фрунт мальчишка. — Не положено! — И прежде, чем капрал успел хоть слово сказать, продолжил: — По приказу командования. В Мертвом Эгесе третью ночь болотные огоньки блуждают, ворота запрещено открывать. Только через калитку.

— Она тут рядышком, — чуть насмешливо уточнил фендрик. — Спешиться только надо. Да вы и сами знаете.

Калитка была всего на вершок выше головы коня, всадник проехать через нее не мог, так что действительно пришлось спуститься на землю. И если у капрала не возникло с этим никаких проблем, то я не смогла обойтись без его помощи.

Мальчишка в гражданском услужливо загромыхал замком. Капрал потянул коня за повод. Выйдя за пределы города, вскочил в седло и вновь склонился, чтобы усадить меня перед собой.

— Удачи на новом поприще, капрал! — крикнул нам вслед фендрик.

Со стены раздалась смешки.

Ладони милеза замерли на моей талии:

— В смысле?

— Мальчик смазливый! — хихикнул толстяк, поспешно закрывая калитку. — А вы его так деликатно за пояс держите.

Честно говоря, я ничего не поняла. В отличие от господина Иассира, смуглое лицо которого мгновенно покрылось багровыми пятнами гнева.

— Мерзавец! — прошипел он и, оставив меня на земле, развернул коня.

Но с той стороны уже громыхали засовы.

Впрочем, «Хочешь умереть...» — ну и дальше по тексту. Уже через несколько секунд капрал, одной рукой придерживая клеймор, кулаком другой вовсю барабанил в ворота:

— Открывай, скотина! — Кажется, он мгновенно забыл о всяческом уважении к старшим по званию. Даже на «ты» перешел, как будто к крестьянину какому-то обращался. — Я ж тебя под землей найду! — А еще он подзабыл о том, что нам надо ехать. И как можно быстрее!

К тому же этот фендрик не сказал ничего такого. По крайней мере, я ничего обидного в его словах не услышала. В самом деле, то, что капрал держит меня за талию, когда подсаживает, и то, что я еду рядом с мужчиной — малознакомым, надо отметить, — не совсем пристойно, но с другой стороны, я же сейчас в мужском платье. Разве кто-то что-то заподозрит? О том, что было, пока я находилась без сознания, и думать не хочу.

Милез меж тем разошелся вовсю:

— Хидеж, мерзавец! Открой ворота! Я тебя...

— Капрал, — осторожно кашлянула я, — вам не кажется, что нам надо ехать?

Из Иассира как будто стержень какой-то выдернули. Он замер, бросил несчастный взор на все еще запертые ворота, обреченно процедил:

— Негодяй, — и вздохнул: — Поехали.

Из-за стены послышался взрыв издевательского хохота, а вслед за тем все стихло. И мы остались наедине с Мертвым Эгесом...

Унгария постоянно воевала с Фирбоуэном. В основном, конечно, с фениями: жившие на территории союзного государства мисы больше интересовались торговлей, лаумы — наукой, а агуане — собой... Пограничные стычки переходили в затяжные битвы, те в свою очередь затихали, на короткий пе-

риод устанавливался мир, а потом все вспыхивало вновь. Провокации были и с той, и с той стороны, но суть не в этом. Пару веков назад было решено поставить границу. Разумеется, обычная межа между государствами существовала всегда, но тогда, дабы пресечь войны с нелюдьми, наши маги на границе с Фирбоуэном поставили невидимую и практически непроницаемую стену. Лишь в некоторых местах оставили врата, через которые можно проходить с территории одной страны на территорию другой. Говорят, правда, есть еще контрабандные тропки, но речь сейчас не об этом.

Последняя война между Унгарией, в состав которой входит кнесат Шасвар, и Фирбоуэном разразилась незадолго до моего рождения. Я не совсем хорошо помню эту часть нашей истории, а потому сказать, из-за чего же начались битвы, не могу. Кажется, причина была в том, что наш унгарийский принц, решившийся посвататься к фенийке из знатного рода, потом передумал и, опозорив ее, вернул родителям. Но так это или нет — честно, не помню. Как бы то ни было, граница, поставленная древними чародеями, оставалась столь же непроницаемой, как множество лет назад. Войска нелюдей не могли пройти через узкие заставы, и вот с той стороны началась колдовская атака.

Вызванный магами Фирбоуэна огненный шквал пронесся вперед, выжигая все на своем пути, но, ударив в колдовскую границу, не смог ее разрушить — лишь сдвинул на тысячу лиг в глубь Унгарии.

Эгес уже тогда был довольно большим городом и располагался у самой межи. Новая, сдвинувшаяся граница после окончания войны разрезала его напополам, разделив на Эгес, который после моего рождения и стал моим приданым, и Мертвый Эгес, оставшийся на ничьей земле. Чтобы жители Шасвара не видели разрушенных оплавившихся домов, указом кнеса вдоль магической границы была возведена крепостная стена, но честные жители все равно редко селились подле уничтоженной войной части города. В отличие от всякого отребья, уничтожить которое не могла даже городская стража.

К тому же, хотя все это случилось более двадцати лет назад, тут даже трава не росла. Пустая узкая полоса земли не была нужна даже Фирбоуэну, став ничьей землей, разделяющей королевства людей и нелюдей. В Мертвом Эгесе по но-

чам бродили болотные огоньки, а служащие на Третьей заставе солдаты рассказывали, что над покрытыми черной копотью домами разносится чей-то отчаянный вой...

Именно в этот Мертвый Эгес, разрушенный, опаленный дыханием огненного шквала, мы и вошли.

Невысокие двухэтажные дома щерились осколками полопавшихся слюдяных окон. Чернели выжженные провалы дверей, а где-то вдалеке клубился дым. Неужели здесь до сих пор может что-то гореть?

Подсадив меня в седло, милез решительно пришпорил коня. Похоже, капралу Порубежной стражи тоже не терпелось побыстрее покинуть это мрачное место.

В Эгесе дороги были вымощены булыжником. Каменная же мостовая мертвого города спеклась в одну гладкую плиту: черную, чуть поблескивающую в лучах заходящего солнца. На губах ощущался соленый привкус пепла. Казалось бы, столько лет прошло, а все-таки... О том, что произошло с теми людьми, что были здесь, когда сдвинулась граница, я старалась не думать.

Раньше я никогда не бывала в Мертвом Эгесе: место темное, страшное, сколько Зеленому Отцу с Матерью Рассвета ни молись, все равно в какую-нибудь неприятность попадешь. Разве что сказать что-нибудь у алтаря Вечного Змея...

Ох, как же у меня болит голова... Наверняка шишка вскочила.

Уже через несколько минут Ветерок перешел с галопа на рысь. Похоже, капрал, уверившись, что никто его преследовать не будет, решил не загонять коня.

Дорога сильно петляла. Мы уже ехали с полчаса, не меньше, а ворот все не было видно. Я уже и скучать-то начала, когда мой спутник внезапно резко натянул поводья. Я прекратила разглядывать конскую гриву и подняла голову, пытаюсь рассмотреть, что же заставило нас остановиться.

Все как и везде в Мертвом Эгесе: обрушившиеся стены, оплавленные камни... и невысокая детская фигурка, замершая неподалеку от стены. Но здесь ведь не может быть никого живого! Или может?

— Только богли мне не хватало! — обреченно вымолвил за моей спиной капрал.

— Кого? — оглянулась я на него. — Откуда здесь ребенок? Он что, пришел с межграницья?

— Это богли, призрак, — тоскливо вздохнул Иассир. — Будем надеяться, он нас не заметит, иначе...

Натянув поводья, милез осторожно направил коня к ближайшему зданию. Точнее, к тому, что от него оставалось.

— Иначе что?

— Молчите! — отчаянно зашипели мне в ответ. — Если он нас увидит...

Судя по всему, полукровка рассчитывал обойти странное существо по большой дуге. И ему это почти удалось: богли, кто бы это ни был, увлеченно смотрел куда-то в сторону и пока не обращал на нас никакого внимания. Вблизи это оказалось невысокое существо, полупрозрачное, хрупкое. Длинные костлявые руки доставали до самой земли, а лохмотья, служившие одеянием, развевались на ветру.

Не знаю, что мой спутник умудрился сделать с конем, но Ветерок ступал практически бесшумно. Мы уже почти обогнули крошечного богли, когда он внезапно задергался, зачирикал, подобно странной птице, а потом и вовсе, крутанувшись на пятках, повернулся к нам. Я охнула, зажав рот рукой: вместо глаз на лице призрака чернели два провала.

— Вижу... Вижу... — прошипел уродец, показав пару рядов острых мелких зубок. — Вижу странников... Мужчину, мнящего себя самым ловким, и женщину, мнящую себя самой умной... — Хихикнув, он поковылял куда-то вверх по улице.

Позади меня раздался тихий сдавленный стон:

— Ну почему именно сейчас?! Я же месяц назад здесь был — не мог тогда появиться?

Полукровка, развернув коня, направился вслед за мелким чудовищем.

— Капрал, что вы делаете? — изумилась я. — Мы ведь ехали в другую сторону.

— То, что надо! — мрачно огрызнулся он. — Вы что, про богли никогда не слышали?

— Нет.

Судя по тону, Иассир скривился.

— Если мы сейчас не пойдем за ним, то из Мертвого Эгеса вероятнее всего не выйдем.

— Почему?

— Или камень на голову упадет, или Ветерок ногу сломает, или еще что. Вариантов много.

— Что за чушь?

— Это не чужь, это богли. И если он нас увидел, а мы за ним не пошли, то пределы города мы не покинем.

Я не выдержала:

— И долго нам за ним идти?

— Пока он не приведет нас туда, куда хотел.

— И что потом?

— А ничего, — печально фыркнул унтер-офицер. — Полюбуемся на открывающийся пейзаж и вновь отправимся по своим делам. И будем надеяться, что на этот раз не встретим нового богли.

Уродец беспокойно ковылял на расстоянии нескольких футов от нас и периодически оглядывался, словно проверяя, следуем ли мы за ним. Щерил острые клыки в каком-то подобии улыбки и вновь продолжал свой путь. Расстояние между призраком и Ветерком не изменялось: судя по всему, милез не стремился побыстрее догнать это маленькое чудовище.

— А это не опасно? — все не могла успокоиться я. Воображение успело нарисовать нас окруженными толпой хищных богли, приготовившихся напасть.

— Богли не причиняют вреда. Гораздо хуже то, что мы теем время.

Похоже, уродец решил просто прогуляться по пустынному городу. Богли петлял по разрушенным улицам, заворачивал в проулки, нырял под обвалившиеся арки. Минут пятнадцать, не меньше, он водил нас по Мертвому Эгесу. А потом вдруг остановился и, на миг оглянувшись, бодро перепрыгнул через обуглившиеся остатки двери и скрылся в каком-то доме.

— И что дальше? — мрачно поинтересовалась я.

— Пойдем за ним, — зло буркнул капрал, спускаясь на землю и набрасывая повод Ветерка на остов коновязи. Разумеется, и свой меч взять не забыл.

— Но он же ушел!

— Но он не растворился в воздухе. Значит, еще не привел куда собирался. Хотите, можете побыть здесь.

Я на миг представила, что капрал сейчас уйдет, а я одна останусь на улице Мертвого Эгеса. Скоро начнет смеркаться, в темноте полетят болотные огоньки, на шпиле обрушившегося храма замелькает странная тень — говорят, тот, кто с ней встретится, никогда не вернется в родной дом...

Я решительно протянула руки спутнику:

— Помогите мне спуститься, капрал. Я пойду с вами.

Лишь шагнув вслед за милезом в темноту обуглившегося дома, я поняла, какую же глупость сотворила.

Я взрослая, серьезная двадцатилетняя женщина. Уже пять лет как совершеннолетняя. Уже два с половиной года как замужняя. Нахожусь наедине с малознакомым мужчиной, к тому же наполовину нелюдем.

Если я выживу после всего этого, я не смогу войти ни в один приличный дом Шасвара! Мое имя будут склонять во всех салонах! Я — и наедине с мужчиной!

С другой стороны, я ведь все равно собиралась умереть, не так ли?

В коридоре царил полумрак. В первые годы после окончания войны в Мертвый Эгес заглядывали мародеры, надеясь пожить хотя чем-то, но огненный шквал, пронесшийся по улицам пограничного города, уничтожил все, кроме камней, из которых были сложены стены домов. Сила колдовства была такова, что даже то, что находилось внутри зданий, осыпалось горстками пепла. Остались лишь черные, покрытые копотью, оплавившиеся стены.

Впереди слышалось шлепанье шагов и тихое хихиканье богли:

— Мужчина и женщина... Самая умная и самый ловкий...

Под каблуком что-то хрустнуло, я посмотрела вниз. И, разглядев, что наступила на выбеленную временем человеческую челюсть, завизжала и шарахнулась в сторону, зажмурив глаза. Вцепилась во что-то...

— Госпожа де Шасвар, — деликатно кашлянули мне на ухо, — мне, безусловно, очень приятно, но я ведь, кажется, уже говорил, что вы немного не в моем вкусе?

В конце коридора послышался злорадный смех богли.

Я медленно приоткрыла глаза... И обнаружила, что обеими руками обнимаю прижатого к стене капрала Иассира.

Ну почему мне сегодня так не везет? Я же серьезная замужняя женщина! Да, Шемьен — мерзавец, но я-то честная женщина!

— Капрал Иассир, это... — я осторожно расцепила руки, — это совершенно не то, что вы подумали... Тут череп.

— Какой череп, госпожа?

— Вон там! — Я указала пальцем... и поняла, что на полу

ничего нет. Но я же видела! Я же действительно видела эту проклятую челюсть!

— Конечно, госпожа де Шасвар, я все понимаю. — Мне показалось или в голосе милеза действительно прозвучала ирония?

Но когда я вскинула голову, разглядывая лицо капрала, тот был серьезен как никогда.

Будем считать, что мне показалось. Но боги, какой позор! Какой позор!

Проклятый богли даже не пытался уйти. Как остановился в торце коридора, так и стоял, поджидая нас. Полукровка вздохнул, осторожно отодвинулся от стены и направился к призраку. Мне ничего не оставалось, кроме как следовать за ним.

Длиннорукое чудовище меж тем призывно посмотрело на нас и нырнуло в какую-то комнату. Капрал решительно шагнул внутрь, я — следом... И замерла, удивленно озираясь по сторонам.

Огненный шквал, пронесшийся по улицам Мертвого Эгеса, почему-то не затронул это помещение. Казалось, хозяин покинул комнату только вчера. Обитые дорогими тканями стены. Пара удобных кресел. Книжный шкаф. Небольшой столик с какой-то лежащей на нем безделушкой. Совершенно не выцветший ковер на полу. И радостно скалящийся богли.

Увидев, что на него наконец обратили внимание, уродец облизнулся длинным раздвоенным языком и растаял в воздухе.

— Забавно, — задумчиво протянул полукровка. — Никогда не подозревал, что в Мертвом Эгесе есть такие места.

— Получается, он специально нас сюда привел?

— Кто знает? — пожал плечами Иассир. — Одним богам известно, что на уме у богли. Может, позабавиться решил, а может, и специально.

Капрал направился в обход комнаты. Несколько прядей седых волос выбилось из небрежно собранного хвоста на затылке, но полукровка этого даже не заметил.

Все-таки у милезов, произошедших от фениев, весьма странная внешность. Они взяли всего понемногу от каждого из родителей и в то же время не похожи ни на кого из них. У фениев белоснежные волосы, светлая, почти бледная кожа,

голубые глаза. Унгарийцы обычно — смуглые брюнеты. Вот и получается, что милезы смуглые, как унгарийцы, но при этом цвет их волос не белый, как у одного из родителей, а седой, как у стариков.

Это у мужчин так. Женщину-милезку, пожалуй, от унгарийки-то по внешнему виду не отличишь.

Книжный шкаф оказался заперт. За дорогими стеклянными дверцами виднелись корешки книг, но сколько капрал ни дергал бронзовые ручки, сделанные в виде львиных голов, все оказалось безуспешно.

Я подошла к столику. Лежавшая на нем безделушка оказалась золотым медальоном на тонкой цепочке. Осторожно взяв предмет в руки, я его перевернула.

— Надо же...

— В чем дело? — тут же оказался рядом со мной капрал.

— Здесь такой же рисунок, как у меня: Мать Рассвета, Зеленый Отец и Вечный Змей у их ног. — Я провела кончиками пальцев по светлым ликам.

— И что с того? Это ведь обычное изображение богов.

— Образки обычно делают немного другой формы, а тут... — Покосившись на милеза, я осторожно вытащила из-под рубашки свой кулон.

Теперь на ладони лежали два абсолютно одинаковых амулета. На них даже царапины были в одних и тех же местах! Лишь на обратной стороне оказались разные картинки: у меня — Мать Рассвета, а на найденном — Вечный Змей.

— Видите?

— Можете дать посмотреть поближе?

Я протянула ему тот образок, что взяла со стола.

— А второй?

— Я не смогу его снять. — Распространяться дальше не стала. Не рассказывать же в самом деле, как однажды в детстве, изучая содержимое маминой шкатулки, я увидела интересный кулон на цепочке, примерила его... а потом поняла, что он попросту не снимается.

Кажется, капрал не удовлетворился таким ответом, а то и вовсе решил, что я все придумываю, но вопросов задавать не стал. Взял новую подвеску в руку...

В тот же миг у меня закружилась голова. Я плотно сомкнула веки, а когда осторожно приподняла их, обнаружила, что мы с офицером стоим на улице, неподалеку от того места, где

впервые увидели богли, а рядом переступает с ноги на ногу Ветерок.

— Что за наваждение? — только и смогла выдохнуть я.

Капрал оказался умнее. Раздраженно буркнув:

— Потом разберемся, — он бросил в кошель на поясе найденный кулон и направился к коню. На миг оглянулся: — Вы со мной, госпожа? Или решили остаться здесь?

А у меня есть выбор?

Копыта Ветерка выстукивали дробь по обугленным камням мостовой, а моя голова была занята тяжелыми размышлениями.

Что же я творю? Зеленый Отец, что я творю?! Сначала пытаюсь умереть, потом сбегая с каким-то подозрительным типом, теперь вот еду на межграницье... Если там кто-то узнает мое имя или если мой спутник решит воспользоваться им в своих целях — я не говорю о том, что я ему пообещала, — да я же погибла!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Айден

— Капрал Иассир!

Так, главное — не перепутать. Сегодня четырнадцатое, стало быть, день четный. И вход будет не слева, а справа. Сразу за старым храмом. Нет, ну они хоть бы завал разобрали!

— Капрал Иассир, вы меня вообще слышите?

Четверть Эгеса к ним ходит, а дорогу до сих пор не расчистили. Придется спешиваться. Куда бы коня пристроить, чтобы его в темени не сожрали? Потому что Стефиан тогда нас с Блэйром сам сожрет без ножа и вилки.

— Капрал Иассир!

— Светлые боги, — вздохнул я. — Госпожа, я же просил вести себя потише. Мало нам богли, так вы сейчас сюда и кархулов со всего пограничья соберете.

— Кар... кого? — Девушка захлопала ресницами и, словно очнувшись, знакомо нахмурилась: — Не заговаривайте мне зубы! Я говорила не о том. Уже солнце село, капрал! А мы до сих пор из Мертвого Эгеса не выехали.

— И не выедем, — отрезал я, натягивая поводья. — Тпру, стой!

— Что вы делаете?

— Спешиваюсь.

— Зачем?

— За камнем, — хмыкнул я, подавая ей руку. — Ну-ну, не надо сверкать глазами. Я не издеваюсь. А за тем камнем — вход в одно надежное местечко. Один из его хозяев — мой старинный приятель. Спускайтесь, госпожа! Вы верно заметили — солнце село. А ночью в Мертвом Эгесе делать нечего.

— Но мы же... — Спутница неуверенно оперлась на мою руку и соскользнула с седла вниз. — Мы же здесь?

— Пока что. — Покрутив головой, я задумчиво посмотрел на развалины старого храма. Хоть и одни стены остались, а святое место все-таки! И подвал какой-никакой у них там должен быть. Главное, Ветерка туда запихнуть без лишнего шума и дверь запереть. Если она сохранилась. Конь мне еще понадобится.

— Я думала, к ночи мы уже будем на межгранице, — настороженно озираясь, неуверенно пробормотала кнесна де Шасвар. — Вы же в бегах, капрал!

— Временно в бегах, — поправил я. — А что до межграницы, так ночью там не безопаснее, чем в Мертвом Эгесе. Придержите лошадь, я сейчас.

— Куда вы? — всполошилась девушка.

— Не беспокойтесь, я вас не брошу. Но и коня бросать... — Спohватившись, я вовремя заткнулся, едва не брякнув: «На съедение». С каждой минутой все темнее и темнее, а в компании с пугливой девицей шариться по храмовым лабиринтам — только время терять и нервы.

— Стойте тут, — велел я. — Если что, прыгайте в седло и скачите обратно к Третьей заставе. Только не оборачивайтесь.

— П-почему?

Вот именно. Почему. Почему я не могу обойтись двумя словами?

— Потому что. Прикиньтесь деревом и ждите меня. Я быстро.

— А...

Не дослушав, я шагнул в полуобвалившийся дверной проем. Солнце давно село, луны не видно, даже без крыши тем-

нотища такая — хоть глаз коли. Надо поторопиться. Между жизнью и лошадью, пусть даже такой, как Ветерок, я все-таки выберу первое!

Я споткнулся о почерневшую от огня и времени балку, выругался сквозь зубы и чиркнул огнивом. Короткая желтая вспышка на мгновение выхватила из сырого мрака обшарпанные стены, высокие колонны в черных трещинах и покрытый копотью алтарь — там, впереди. Удивительно, как здание вообще устояло? Ведь вокруг сплошные развалины... Вмешательство свыше? Я криво усмехнулся. Углядев возле стены высокий громоздкий шкаф, потянул на себя дверцу. Она осыпалась в моих руках жирной черной пылью. М-да. Огонь и время... Наскоро отряхнувшись, я сунул руку в недра шкафа и, нащупав внутри какую-то ветошь, снова чиркнул огнивом, высекая искру на обрывок тряпки.

Крошечный дрожащий язычок пламени еще больше сгустил темноту. Надо найти какую-нибудь деревяшку для факела.

— Ах ты ж!.. — вырвалось у меня.

«Ветошь» оказалась полуистлевшим балахоном храмовника, а подоженная мной тряпка — оторванным рукавом. Более того, на одного служителя тот балахон и был надет... Высохшее тело мертвеца не выглядело черным и обугленным, как все вокруг — от горелых ломаных скамеек до самого «шкафа», оказавшегося исповедальней. Теперь понятно, почему покойник так хорошо сохранился. Я окинул взглядом скрючившееся на скамеечке тело. Бедняга. Почему он тогда не ушел вместе со всеми? Забыли в суматохе или сам не захотел? Поди пойми этих храмовников... Впрочем, мне-то что до них? Мне коня надо спрятать!

— Прости, старик, — покаянно пробормотал я. Дернул на себя занявшийся балахон и быстро наverts оторвавшийся кусок ткани на подобранную тут же ножку то ли стола, то ли стула. — Тебе оно уже без надобности... Так, факел есть. И где у нас тут вход в подвалы?

— Слева за алтарем. Вниз по лесенке. Но лошадь там не пройдет, солдат.

— Вот незадача... Кто здесь?!

Я схватился за клеймор, второй рукой беспорядочно тыча факелом в разные стороны. В храме никого не было. Только я.